

языковой личности. Обращение лингвистики к проблемам языковой личности диктует введение одного из основных понятий дискурсивного направления – понятия идиостиля. Стилистическое развертывание дискурса задается вектором доминантных представлений личности, определяющих также и основные языковые средства, способ конкретизации образа.

Индивидуальная картина мира – это объектная картина в субъективном ее отображении посредством авторизации. Чтобы глубже познать объект, человек делает его до некоторой степени субъективным, придает эстетически нейтральной действительности богатство эстетических красок. Текст, созданный творческой личностью, передает словесно выраженное знание внешнего мира, и с этой точки зрения он – знаковое отображение индивидуальной картины мира. Несомненно, лирическая поэзия представляет собой богатый материал с точки зрения возможности репрезентации (и реконструкции) картины мира поэта. Сам статус лица в поэтическом тексте позволяет осуществить творческие потенции индивидуальности. В лирической поэзии совмещается некоторое отдаление от предмета, некоторая его внеличность, и в то же время личностная переработка этого предмета, в известной степени «воплощение» в него и восприятие его на себя.

Проблема семантического пространства художественного текста широко обсуждается в современной лингвистике, поэтому его определение приобретает большую значимость. Семантическое пространство – воплощение мотивов, намерений и интенций его автора; это пространство реконструируемое, соответствующее той ментальной модели, которая создается реципиентом для понимания и интерпретации текста. Экспликация ассоциативных связей позволяет автору донести до читателя необходимую информацию; свободные и индивидуальные авторские ассоциации становятся направленными на читателя, который ощущает их субъективность как основной признак лирики. В рамках современной научной парадигмы назрела необходимость посмотреть на лирическую поэзию с новых позиций – с точки зрения концептуализации ею мира. Таким образом, *концепция мира* – обязательный фрагмент картины мира. Концепция отражает способ понимания и познания мира человеком и является инструментом выработки образно-эстетических представлений о мире и человеке, его назначении, ценностях, соответствии высшим общечеловеческим идеалам.

Под концептами когнитивистика понимает достаточно широкий набор ментальных образований, кодирующих в са-

мых разных конфигурациях культурно значимые смыслы. Анализ художественных концептов как основных элементов авторского сознания позволяет обнаружить и описать специфику идиостиля поэта, отражающую индивидуально-авторское мировосприятие, мифопоэтическое по своей сути. Иерархия концептов восстанавливается по двум критериям: частотности употребления ключевых слов-тем и развертыванию вокруг них разветвленных семантических полей. Система концептов и семантических полей обладает потенциальной возможностью выразить индивидуальную когнитивную систему автора – не только ее интеллектуальное содержание (информацию о мире, языке и деятельности), но и модальный компонент, включающий аксиологию интеллектуальной информации. Содержание концепта могут составлять и образ, и понятие, и символ. Зачастую именно символы объективируют и репрезентируют концепты художественного мира.

Лирическая поэзия может быть исследована как объект, подчиненный собственным законам существования, к которому применимо понятие универсума. Универсум включает в себя множество объектов, рассматриваемых в пределах научной теории, а также свойства, отношения и функции этих элементарных объектов. Применительно к лирической поэзии под такими элементарными объектами понимаются «ключевые слова», образующие ассоциативно-семантические поля и их системы, а также концепты, символы и, наконец, индивидуальные поэтические мифы. Модель структурирования когнитивной парадигмы лирического универсума может представлять собой триаду «концепт – символ – миф» и успешно применяться в изучении творчества крупнейших поэтов XIX–XX вв.

Таким образом, лирический универсум – вся совокупность обозначенных единиц, образующая индивидуальный поэтический мир, мифологический в своей сущности, а модель авторского сознания может быть представлена как относительно стабильное символическо-семиотическое отображение динамической совокупности внутренне упорядоченных, гомоморфных друг другу подсистем когнитивно-концептуальной системы автора, репрезентированная в тексте. Центральное положение субъекта действия в художественном мире обуславливается антропоцентризмом художественного текста. Языковая личность автора становится важнейшим звеном в современных исследованиях текста, а психологический аспект анализа текста представляется не менее значимым, чем собственно литературоведческий или лингвистический.

«Нанизывание» родительного падежа как норма и как стилистическая неадекватность (по материалам русского и финно-угорских языков)

А. И. Кузнецова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Гентив, русский язык, финно-угорские языки

Summary. The present paper analyses the use several Genitive cases in a sentence in two languages – Russian and Mari and their differences and similarities. The ‘stringing’ of Gen. one after another is grammatical norm, but it is stylistically inadequate.

В середине прошлого века Виктор Ингве, продолжая исследования, начатые Н. Хомским, высказал гипотезу, что порождение любой фразы происходит методом непосредственно составляющих, то есть говорящий при построении фразы произносит (или пишет) слова цепочкой одно за другим. При этом говорящий далеко не всегда знает, чем он кончит произносимую им фразу и какой длины она окажется. Приблизительно в это же время было установлено, что объем быстро действующей памяти ограничен и не превышает обычно числа 7 ± 2 слова, соответствующего так называемой глубине фразы. Глубина фразы, растущей почти без каких-либо ограничений, считается прогрессивной (примером такого построения может служить детская английская песенка «Дом, который построил Джек» в переводе С. Я. Маршака) в отличие от фразы, называемой регрессивной и имеющей некий ограничитель (напр., наречие), не позволяющий ей расти дальше. Глубина прогрессивной фразы контролируется лишь соображениями стилистической адекватности / неадекватности. В. Ингве приводит весьма спор-

ный, к сожалению, пример, в котором не известно, кто Его, по отношению к которому устанавливается родство, и не существует ли в языке сиблингов. Пример, данный Ингве, может быть по-разному интерпретирован носителями других языков (напр., русского, немецкого, кетского): His mother’s brother’s son’s daughter’s hat = (((Его матери) брата) сына) дочери) шляпа = ‘Шляпа дочери сына брата его матери’ = ‘Шляпа дочери его внучатого племянника’. Для английского языка препозитивная конструкция с показателем **’s** реже употребляется, чем постпозитивная конструкция с **of**. Что касается русского языка, то цепочка из 3–4-х и даже 5–6-ти родительных падежей, нанизываемых один за другим, встречается достаточно часто в канцелярских бумагах, в специальной литературе (в том числе и в лингвистических исследованиях), стилистически производя неблагоприятное впечатление, независимо от кодирования ролевых отношений слов в тексте. Напр.: *Комплекс... модулей, которые должны войти в семантический компонент модели извлечения имплицитной информации из текста, разрабатывае-*

мой для... объективизации результатов экспертных исследований. Нередко предложения, взятые из текстов реальных судебных семантических экспертиз, производят впечатление просто неграмотно составленных. Не многим лучше и предлагавшееся заглавие лингвистической работы, в которой использовались примеры, анализированные экспертами в ходе экспертизы: *Структура лингвистического обеспечения извлечения имплицитной текстовой информации для решения задач семантической экспертизы*. В дальнейшем заглавие было упрощено до названия: *Лингвистическое обеспечение процедуры извлечения имплицитной информации при проведении семантических экспертиз*. Тяжеловесна и содержащая пять родительных падежей фраза: *В именной парадигме растет количество случаев гибридного образования форм имен существительных*.

В художественной литературе также можно встретить громоздкие фразы с 4–5 род. п., иногда употребляемые иронически (как напр., в произведении Питера Халла «Принцип Питера»: *Создаются новые должности: руководитель проекта улучшения благосостояния граждан пенсионного возраста* [Иностранная литература. 1971. № 8. С. 209]). В газетах нанизывание одного и того же род. п. – почти норма. Особенно часто это встречается при перечислении должностей и мест работы: *...начальник Главного разведывательного управления Генштаба Вооруженных сил России. Кроме гармонизации интересов участников глобальной энергетического взаимодействия, предстоит определить...* и т. п. Значительно меньше употребительность род. п. в разговорной речи.

Частота употребления того или иного падежа в современном русском языке, судя по подсчетам В. А. Никонова, сделанным в середине прошлого века [Машинный перевод и прикладная лингвистика. №3. М., 1959], зависит не только от количества выполняемых падежом функций, но и от сферы употреблений падежа. На 100 случаев им. п. в текстах делового жанра приходится род. п. от 132 до 204 случаев (то есть коэффициент $P > 1$), в текстах художественных – от 43 до 59 (коэффициент $P \approx \frac{1}{2}$) и в разговорной речи от 21 до 35 случаев встречаемости (коэффициент $P < \frac{1}{2}$).

Между типом языка (флективным или агглютинативным по морфологической классификации) и объемом значений падежа в языке того или другого строя существует тесная взаимосвязь: в русском языке при относительной бедности падежной системы налицо полифункциональность падежей при кодировании ролевых отношений. Для сравнения привлекаются материалы языков агглютинативных, к которым относятся, напр., уральские языки. В финно-угорских и самодийских языках значительно больше падежей (исключения, как напр., хантыйский, имеющий в обдорском диалекте

лишь три падежа (Nom, Loc, Transl), только подтверждают правило) и меньший (что вполне естественно) объем их значений. Количество падежей, подсчет которых с точки зрения их формы, часто вызывает большие споры, колеблется в среднем от 10 до 22–23 в том или ином языке. С решением проблемы количества падежей связан вопрос об объеме значений Gen. и о количестве Gen., нанизываемых друг за другом в пределах одного предложения в уральских языках.

Основными значениями Gen. в финно-угорских языках (напр., в марийском) являются значения принадлежности, субъекта действия, места действия и некоторые др., иногда вызывающие споры. К числу спорных можно отнести функцию определительных отношений, как в предложении: *«Кузьман Геркой-ын кап-кыл онар-ын»* ‘У Геркоя Кузьмы фигура богатырская’ (букв. ‘телосложение богатыря’) (пример Г. М. Тужарова). Вызывает разногласие и функция времени. Значение отсутствия чего-л. в окружающей нас действительности, встречающееся в русском языке в род. п., в марийском передается Abess. (лишительным падежом): *Миколай шам-де ки-ен* ‘Николай без сознания лежал-он’, *Имни-де код-ым* ‘Без лошади остался-я’. Функция предназначения, оформляемая в русском языке тоже род. п., в марийском соответствует Dat. (здесь и далее приводятся примеры, собранные в с. Ст. Торъял Новоторьяльского р-на Марий Эл в 2000 г.): *Окна-лан штор-ым нал-ем* ‘Для окна шторы покупаю-я’; *Кова-м кечывал-лан кочкыш-лан чиве йол-ым шолт-ен* ‘Бабушка-моя для полдневной еды (букв. ‘к полдневной еде’) куриные ноги сварила’.

По сравнению с русским в марийском языке не только объем значений род. п. беднее, но и нанизывание Gen. широко распространенное в языке, происходит иначе (при этом надо помнить, что в марийском мн. ч. выражается автономно от грамем падежа, а в русском – кумулятивно с ним). Род. п. принадлежности (при неотчуждаемой – всегда с суффиксом притяжательности) образует длинные цепочки, сопоставимые с нанизыванием в русском языке, но идущим в противоположность с ним, т. е. имеющим регрессивное направление: *Кова-м-ан казан-ж-ын йол-жо тодылат-ын* ‘У бабушки-моей козы-её нога-ее сломалась’ (т. е. ‘сломалась нога у козы моей бабушки’); *Нине кум йоча-н ава-н ике пёрт-шö уло* ‘У матери этих трех детей собственный дом был’ (букв. ‘Этих трех детей матери собственный дом-её был’).

Как видно из приведенных примеров, многократное употребление в одном предложении род. п. характерно и для русского, и для марийского языков. Направление процесса нанизывания в них при этом прямо противоположное. В обоих языках присутствие во фразе нескольких род. п. не противоречит грамматическим нормам, но стилистически неадекватно.

Конвергенции и расхождения в эволюции современного русского и итальянского языка

К. Ласорса Съедина

Третий Римский университет, Рим (Италия)

Summary. The paper describes internal and external linguistic factors which determine the present evolution of Russian language. Together with the *post-perestrojka* political, economic, and social-historical «New Trend», we can observe that Russian is drawing closer to the so-called Standard Average European. In the phonological and morphosyntactic system we observe a simplification and regularization of nominal and verbal flexion, and a gradual increase of analytic elements. The same type of restandardization and similar phenomena are present in Italian language today, but they are limited and take place much slower. Several recent tendencies, mainly in lexis concerning private rights enable us to theorize a nex geo-political and geo-historical equilibrium for Russian in the international situation today. However, instead of the imposed universal absolute Western-European model of human rights, which doesn't take into account national history and traditions, Russians prefer speaking of the dignities of personality, which should be not only respected, but also protected and safeguarded.

1. Процесс «новонормативного» развития (рестандартизации) современного русского языка, как убедительно показала О. А. Лаптева в [2], осуществляется через нейтрализацию оппозиций, точнее через изменения в оппозициях тремя способами:

- различительный признак исчезает, $2 > 1$;
- различительный признак возникает, $1 < 2$;
- различительный признак возникает на месте прежнего и заменяет его, $1_1 > 1_2$.

Тот же механизм и способ осуществления языкового изменения наблюдается, хотя и в меньшей степени, и в современном итальянском языке и в Среднем стандартном Европейском Языке (SAE).

2. Здесь остановимся на некоторых фонетических и лексических процессах, на выражении степени сравнения, на утрате сослагательного наклонения в ирреальных условных предложениях: эти явления, наблюдаемые в итальянском языке, легко сопоставимы с процессами, выявленными О. Лаптевой в русском языке в области фонетики, лексики, грамматики. Кроме того, заметное сближение письменной и устной речи, сокращение синтаксических возможностей языковой системы и лексического многообразия, наблюдаемые в итальянском языке, позволяют установить определенное сходство между итальянским простонародным языком (*italiano popolare*) и так называемым русским общим жаргоном ([1]). Эти конвергенции в определенной мере облегчают учебный процесс.